

В отношении транскрипции можно было бы пожелать несколько большей упрощенности — отказа от употребления *h*, от фиксации отклонений транскрипции от произношения, свойственных и литературному языку, от неслогового *ʒ* и *ё*, которое отмечено неполно (по одному-два раза) в текстах, записанных другими собирательными (№ 122, 170 и др.). Неоправданно соблюдение явных описок или ослышек при полевой записи: «Лучка об лучку покалачиват» (стр. 390), когда в предыдущей строчке говорится «Ножка о ножку», так что ясно, что речь идет о руке.

Отдельные недочеты нисколько не снижают большого научного значения этой бесспорно ценной и полезной книги, издание которой реализует материалы продолжительной собирательской работы.

Р. Липец

Коста Хетагуров. *Собрание сочинений в трех томах*. Изд. АН СССР, М., 1951.

Рецензируемое издание осуществлено Академией Наук СССР совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом по постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 21 июля 1939 г. как одно из мероприятий по увековечению памяти великого осетинского народного поэта, революционного демократа, основоположника осетинского литературного языка, в связи с 80-летием со дня его рождения. Произведения Коста Хетагурова при советской власти издавались неоднократно, но в таком полном издании они выходят впервые.

В первый том рецензируемого издания вошли написанные на осетинском языке стихи, составляющие цикл «Осетинская лира» («Ирон Фæдър»), и поэма «Хетæг», с параллельными русскими переводами, сделанными поэтами т. Тихоновым, М. Исаковым, В. Казиным, П. Панченко, А. Шпиртом, Б. Ирининым и др. Произведения, написанные на осетинском языке, в которых нашла яркое отражение тяжелая и бесправная жизнь трудящихся горцев, находившихся под двойным гнетом — местных феодалов и царских чиновников, — пользуются особенно большой популярностью среди осетинского народа. Еще до установления советской власти, когда основная масса осетин была совершенно неграмотна, очень редко можно было найти горца, который не знал бы «Додой» («Горе»), «Ныфс» («Надежда»), «Чи д» («Кто ты?») и других произведений из «Осетинской лиры», ставших боевыми революционными народными песнями осетин, призывавшими на борьбу с эксплуататорскими классами и царскими колонизаторами.

Во втором томе опубликованы произведения, написанные поэтом по-русски, — 78 стихотворений, поэмы «Фатима», «Кому живется весело», «Перед судом», «Плачущая скала», «Хетæг (Начало никогда не имеющей быть оконченной поэмы)», рассказы «Охота за турами», «Стоит только подняться от Мышиной тропы», «Сегодня я окончил свои вечерние занятия» и пьеса «Дуна».

В третьем томе напечатаны публицистические статьи и письма (последние издаются впервые). Публицистические работы и письма, помещенные в хронологическом порядке, показывают широкие и разносторонние интересы Коста Хетагурова.

Произведения, написанные на русском языке, ставшем для Коста Хетагурова, как и для многих других прогрессивных деятелей из осетин того времени (братьев Шанаевых, И. Канукова, Г. Цаголова и др.), вторым родным языком, также ярко отражают различные стороны тяжелой и бесправной жизни трудящихся горцев.

В предисловии к рецензируемому изданию, написанном Татари Епхивым, довольно полно охарактеризованы жизнь, творческий путь и общественно-политическая деятельность Коста Хетагурова. Автор предисловия широко использовал материалы из воспоминаний современников поэта и его письма, представляющие исключительный интерес для характеристики общественно-политической деятельности Коста Хетагурова, относящейся к 1880—1890-м годам, к периоду царствования Александра III, снижавшего себе репутацию «всероссийского жандарма». Это был период черной реакции, когда прогрессивные деятели русского общества томились в ссылках и тюрьмах, когда народы окраин царской империи, и в частности горцы Северного Кавказа, стояли под тяжелым гнетом бесправия. В этих условиях Коста Хетагуров выступил как пламенный трибун на защиту обездоленных горцев против царских колонизаторов, местных помещиков и буржуазии. «Проникнутый идеями русских революционных демократов, — пишет Т. Епхив, — Чернышевского, Добролюбова и Некрасова, Коста прекрасно понимал, что правящая верхушка царского самодержавия отнюдь не вся нация, что русский народ и его передовые идеологи никак не разделяют стремлений правительственной клики. Коста связал борьбу осетинского народа с борьбой великого русского народа против царизма, против помещиков и иных эксплуататоров» (стр. 20).

В защиту интересов горцев Коста выступал на страницах многих местных и центральных газет.

К сожалению, публицистические произведения Коста Хетагурова, занимавшие, как известно, важное место в его творчестве, в предисловии рассматриваются очень бегло, а некоторые из них, как, например, популярный этнографический очерк «Особа», известный в кавказоведческой литературе как одна из лучших работ по быту осетин дореволюционного периода, совершенно не упоминается.

Довольно большое место в предисловии отводится характеристике поэтической деятельности Коста Хетагурова, которая также падает на 1880-е и 1890-е годы. «Выступая на литературном поприще,— пишет Т. Епхийев,— Коста не имел перед собой сложившейся литературы, у него почти не было предшественников на родине, писавших на осетинском языке. Поэтому он обратился прежде всего к осетинскому фольклору, а потом к русской классической реалистической литературе, к поэзии Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Крылова, и нашел у них богатую школу поэтического мастерства» (стр. 31).

Рецензируемое издание снабжено примечаниями, алфавитными указателями и перечнем иллюстраций. Однако следует отметить, что комментарии, в частности к третьему тому, составлены небрежно, а порой даже неграмотно. Так, например, давая комментарии к известной статье Коста Хетагурова «Тартарен», напечатанной в 1901 г. в газете «Северный Кавказ» (№ 53) за подписью Нарон, авторы пишут: «Кого имел в виду Хетагуров в этом фельетоне — не установлено» (стр. 527). На самом же деле, к сведению комментаторов, это давно установлено. Непростительно специалистам, занимающимся творчеством Коста Хетагурова, не знать общеизвестных фактов, связанных с его деятельностью. Коста Хетагуров, будучи сам прекрасным этнографом-кавказоведом, глубоко отразившим в своих произведениях быт не только осетин, но и других кавказских народов, требовал глубокого и всестороннего изучения народов Кавказа. Он решительно выступал против поверхностного и недобросовестного описания фактов из жизни горцев.

В упомянутой выше статье «Тартарен» Коста Хетагуров высмеивает «этнографические наблюдения» А. Н. Дьячкова-Тарасова, преподавателя Екатеринодарской гимназии, совершившего со своими учениками поездку по Кавказу и давшего поверхностные, грубо искажающие действительность «этнографические» данные о горских народах. «Придавать таким прогулкам,— пишет Хетагуров,— научное значение бессовестно. Все свои научные сведения они черпают из уст приставов, старшин и писарей, которые к людям относятся только как к номерам исходящих и входящих журналов» (стр. 166). Статья эта была помещена в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. 28, Тифлис, 1900) под заглавием «В горах Большого и Малого Карачая (Путешествие 26 учеников Екатеринодарской гимназии)»³.

Комментарии нужно было дать и ко многим другим произведениям Коста, помещенным в рецензируемом издании, в частности к статье «Учебник географии России», в которой Хетагуров критикует автора этого учебника М. Мостовского, придерживавшегося «теории» немецких ученых К. Гана и Гакстгаузена, доказывавших, будто осетины имеют «по физиономии, языку и образу жизни большое сходство с германскими народами» (стр. 176).

Нуждаются в комментариях и такие статьи как «Неурядицы Северного Кавказа», «Чичиков» и др.

Большое значение имеет публикация писем Коста Хетагурова. «Письма Коста Хетагурова,— отмечается в предисловии,— представляют большой интерес не только в смысле изучения по ним личной жизни поэта. В них мы находим отклики на крупные явления общественной жизни, происходившие в его время. По ним можно определить пульс, биение общественной жизни в России, в частности, состояние туземного населения в 80—90-е годы прошлого столетия» (т. I, стр. 24—25).

Всего в рецензируемом издании опубликовано 68 писем Коста Хетагурова. Большинство их адресовано членам семьи Цаликовых и Андукапару Хетагурову. Письма Коста Хетагурова дают исключительно интересный и богатый материал для исследования жизни и творчества великого поэта. Особенно обращает на себя внимание письмо к Е. А. Цаликовой от 21 июля 1899 г. из г. Очакова об одном из прислужников терской администрации Гаппо Баеве — первом издателе сборника «Ирон Фендыр». «Исключая *Tæxudy*» (Желание),— пишет Коста Хетагуров,— ни одно стихотворение не прошло без самых возмутительных корректурных ошибок, сделанных Гаппо просто умышленно на основании своей собственной дикой орфографии. Мало того, он местами выбросил слоги и подменил мои слова своими... Это прямо-таки нечестно» (т. III, стр. 399).

В другом письме к А. А. Цаликовой от 7 сентября 1899 г. поэт с возмущением пишет о Гаппо Баеве как о послушном царском холопе: «Вот такие-то господа, охранители основ и устоев существующего порядка, отбивают всякую охоту к хорошему делу. И если бы они действовали по убеждению — ну, тогда и бороться с ними не обидно, а ведь видишь каждого из них насквозь, видишь, что им руководит чисто лакейская тактика — получить прислужиться своему барину и получить лишний раз на чаек,— и поэтому-то противно с ними и бороться» (т. III, стр. 430).

В некоторых письмах (А. А. Цаликовой от 15 июня 1891 г. и А. И. Цаликову от 18 февраля 1892 г.) выражены взгляды поэта на брак, на положение женщины в условиях тогдашней Осетии.

Комментарии к письмам также недостаточны. Для читателей, например, совершенно неизвестными остаются такие лица, как Андукапар Хетагуров, оказывавший, как видно из писем, большую материальную и моральную помощь поэту, А. А. Цаликова и другие члены семьи Цаликовых, с которыми Коста Хетагуров вел переписку в течение многих лет и делился с ними своими радостями и печальми.

Внешне рецензируемое издание оформлено хорошо. Все тома снабжены иллюстрациями, портретами, мемориальными фотоснимками и репродукциями с картин Коста Хетагурова. На переплете и титуле, выполненных художниками А. В. Джанаевым и Л. С. Эрманом, использован осетинский народный орнамент.

Издание Собрания сочинений великого осетинского поэта Коста Хетагурова — большой вклад в культурную сокровищницу народов Советского Союза.

Б. Калоев

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

НОВЫЕ РАБОТЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЭТНОГРАФА О. НАГОДИЛА¹

Победа народно-демократического строя в Чехословакии и ее вступление на путь социалистического строительства открыли небывалые перспективы для развития науки в стране.

Переживает период подъема и этнографическая наука в Чехословакии. Поворотным моментом в развитии этнографии Чехословакии была общереспубликанская конференция этнографов в январе 1949 года. Конференция указала на необходимость коренной перестройки этнографической работы в Чехословакии, на новые задачи, стоящие перед этнографами страны в эпоху строительства социализма, на недопустимость отношения к этнографии как к «науке для науки», оторванной от практических задач. Согласно решению конференции, этнография должна стать наукой партийной, основанной на принципах марксизма-ленинизма, она должна служить интересам народа, помогать строительству новой, социалистической культуры. Было указано на необходимость создания квалифицированных кадров этнографов-марксистов.

Залогом успешного развития этнографической науки в Чехословакии была признана необходимость теснейшего сотрудничества с этнографами СССР. Богатейший опыт советских этнографов должен помочь этнографам Чехословакии в решении стоящих перед ними задач.

Изучению советской этнографической школы и ее основных принципов посвящена вышедшая в 1950 году книга молодого чехословацкого этнографа Отакара Нагодилы — «Советская этнография и ее прогрессивная роль».

О. Нагодил окончил Ленинградский государственный университет. Он хорошо знаком с работами советских этнографов. Его книга носит обзорный характер, но для чехословацких этнографов она очень интересна и полезна, так как успехи советской этнографической науки замалчивались в Чехословакии не только в период буржуазной республики, но и в первые годы после второй мировой войны, и чехословацкая научная общественность очень мало с ними знакома.

В предисловии автор сам определяет задачу своей работы: «показать исторические корни современной прогрессивной советской этнографии, новейшие пути научного исследования в данной области, так же, как и борьбу советской этнографии против англо-американской методологии, стоящей полностью на службе империалистических поджигателей новой мировой войны» (стр. 7).

В первой главе своей книги О. Нагодил говорит о прогрессивных традициях русской этнографии в предреволюционное время, строго придерживаясь основных положений статьи проф. С. А. Токарева — «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку»². Он подчеркивает глубокую самостоятельность русской этнографической науки, ее заслуги в деле разработки проблем общей этнографии. Автор дает краткое описание развития русской этнографии, начиная с Киевской начальной летописи XII в. и кончая началом XX в., указывает на расцвет русской этнографии в XIX в. и на ее связь с прогрессивными течениями русской общественной мысли. Он дает краткую характеристику научной деятельности крупнейших представителей русской этнографической науки — Вениаминова, Н. Н. Миклухо-Маклая, Д. Н. Анучина, М. М. Ковалевского и др.

Переходя к характеристике советской школы в этнографии, О. Нагодил указывает на то, что она не является прямым продолжателем старой русской этнографии. Советская этнография качественно отличается от этнографии дореволюционной, ее основа — принципы марксизма-ленинизма.

¹ Otakar Nahodil, Sovětská národopis a jeho pokroková úloha, «Světovvěstník», 1950; его же, K otázce o prvobytném kultu medvěda a jeho přežitcích, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951; его же, Ideologické přenesení společenského zřízení do živočišného světa v náboženských představách a přežitích národnosti severní Eurasie, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951; его же, Vyvoj násorů klasičtí marxismu-leninismu na otázky dějin prvobytné společnosti, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951.

² «Советская этнография», 1948, № 2.